

МЫ МОЖЕМ ВСЕ, НО НУЖНО ЛИ ЭТО? АЛАН ЦИММЕРМАН, ГЛАВА BAUME & MERCIER

2011: capeland
1007 baume &
mercier

Новый козырь Baume & Mercier — линия хронографов Capeland. Они следуют историческому прототипу однокнопчному хронографу 1948 года. Как говорят сами часовщики: «Эти часы со шлифованным стеклом и очень выпуклой задней стенкой были прямым продолжением линейки карманных часов начала века, округлых, как галька». Capeland 1007 — часы из «знаковых моделей» коллекции — в золотом корпусе с белым циферблатом, имеющим шкалы тахиметра и телеметра и снабженный автоматическим подзаводом и функцией хронографа-флайбэк на базе механизма La Joux-Perret 8147-2

Алан Циммерман возглавил Baume & Mercier не более года тому назад, перед прошлым SIHH. Он пришел из кузницы кадров группы Richemont — марки IWC, базирующейся в немецкоговорящей части Швейцарии. На Женевском салоне 2011 года Алан Циммерман показал первую коллекцию Baume et Mercier, за которую он полностью отвечает в качестве генерального директора старинной марки.

— Вы многое изменили в Baume & Mercier, когда пришли?

— Очень надеюсь, что нет, что сделал нечто обратное. Мы не стали лихорадочно меняться, мы подняли на поверхность идентичность марки. Возможно, для того и нужен новый человек, чтобы взглянуть на привычные вещи новыми глазами и сказать: «Посмотрите только, какая изумительная история у Baume & Mercier, давайте о ней расскажем». Именно поэтому мы возродили такие опорные столпы марки, как коллекции Capeland и Linea.

— Capeland исчезла с появлением соперника в лице Riviera, но разве линия Linea прерывалась?

— Многие, как и вы, были искренне уверены, что Linea существует, хотя на самом деле она исчезла в 2006 году. Что это означает? Да то, что это неотъемлемая часть наследства Baume & Mercier, раз у нее такая воля к жизни.

— Декорация вашего стенда на выставке — морской горизонт до самого края. Не боитесь цунами?

— Цунами всегда возможно. Но одна из разрушительных волн уже прошла. Это недавний кризис. Выстояли те, у кого корни глубже, некоторых попросту смыло. А когда у тебя крепкие корни, даже если ветки поломают — ничего, ты выстоишь.

— Ваш новый слоган Life is about moments для часовщиков должен бы звучать как Life is about movements — не про секунды, а про механизмы. Вы по-прежнему покупаете их у ETA, принадлежащей Swatch Group? В этом году у вас другие марки-поставщики.

— Нас вполне устраивает ETA, просто надо разнообразить спрос. Вообще, покупать механизмы удобно еще и потому, что для каждого часов ты подбираешь именно тот механизм, который им более подходит.

— А собственные механизмы у вас появятся?

— Нет, сейчас у нас нет амбиций по этому поводу. Мы можем все, но нужно ли нам это? Вот взгляните. Позади меня новый логотип фирмы, где ясно сказано: Baume & Mercier maison d'horlogerie Geneve 1830. Это означает, что мы часовая дом и не собираемся называть себя мануфактурой, как делают многие в нашем деле. И часто — без малейших на то оснований.

— То есть вы остаетесь в границах прежней логики Baume et Mercier?

— Просто в границах логики. Анализ показал, что мы слишком разбрасывались, у нас было слишком много линий и вариантов. Эта проблема свой-

ственна не только часовой промышленности, я встречал ее повсюду — от парфюмерии до автомобилей. Не количество моделей составляет славу часовой марки, а ее образ, то есть дизайн, ее месседж и ее качество, которое она способна поддерживать столько, сколько могут прожить ее часы. Мы ничего здесь не изобрели, мы просто применили те принципы, которые действуют повсюду. Мы уменьшили количество моделей и сконцентрировались на их особенностях и качестве, чтобы выступить правильно, логично и попасть в самую чувствительную точку спроса. Поэтому мы разделили наши часы, условно говоря, на два уровня, имея в качестве базовых очень интересные и разнообразные модели — и несколько, как мы их называем, эмблематичных моделей другого уровня цен и с другим набором функций, близких к тому, что мы называем большими, или великими, усложнениями. И эти главные модели коллекции ясно выражают связь с историческими вещами Baume & Mercier.

— Вы продолжаете дружить с правнучкой Уильяма Боба?

— Нам очень повезло, что мы встретили Симон Годар. Спасибо ей за то, что она делится с друзьями марки воспоминаниями своего детства. Благодаря ей, блогу, который она ведет, история становится по-настоящему живой. Марки должны держаться за свое прошлое.

— Тогда однажды вы перейдете и к русской части марки, к половине Поля Мерсье, звавшегося когда-то Павлом Чередниченко. В 1930-х годах в Париже таких людей было немало, но именно он смог стать настоящим партнером и соратником швейцарца Боба.

— Нам бы очень хотелось найти его корни, но, к сожалению, мы не в силах проводить исследования в России, а возможно, и на Украине. Хотелось бы, конечно, узнать что-нибудь, но, если речь не шла о старинных дворянских фамилиях, люди, приехавшие, а скорее бежавшие из большевистской России, были довольно скромны в воспоминаниях о своем прошлом и своих корнях. Возможно, они попросту опасались за родственников, остававшихся в СССР, иллюзий у них не было.

Беседовал Алексей Тарханов

«Мы уменьшили количество моделей и сконцентрировались на их особенностях»